

Когда кошки ушли, Куан Тянью принялся учить всех заряжать магазины, досылать патроны в патронник, обращаться с предохранителем и стрелять. Согласно его плану, группа должна была провести в маленьком супермаркете всего одну ночь, а научившись обращаться с оружием, ранним утром следующего дня выступить к стадиону.

Боевой дух у всех был на высоте, и всё благодаря автоматам в руках. С таким оружием стоило только увидеть зомби, как можно было тут же нашить их свинцом, показав этим тварям, где раки зимуют. Хотите человечины? Получите от нас свинцовых гостинцев!

- Мама, я хочу писать, - прозвучал тоненький, совершенно некстати раздавшийся голосок Чжэньчжэнь.

Все тут же бросили свои дела и разговоры, дружно уставившись на девочку. Чжэньчжэнь не привыкла к такому вниманию со стороны стольких людей, надула губки и чуть не расплакалась. К счастью, мать принялась ласково успокаивать её, и до слез дело не дошло.

Мать отвела Чжэньчжэнь в самый дальний угол супермаркета к стеллажу, завешанному несколькими дождевиками, которые наглухо закрывали проход между полками. Внутри стояло небольшое ведёрко - импровизированный туалет. Всё это придумал Куан Тянью: все они люди, всем нужно есть, пить и справлять естественные нужды, так что продумать следовало каждую мелочь.

Когда Чжэньчжэнь справила нужду, её маме тоже захотелось в туалет. Несмотря на то, что вокруг стояло несколько рядов полог, а этот последний был ещё и занавешен дождевиками, ей всё равно было немного неловко. Она никак не могла расслабиться, и облегчение получилось далеко не таким полным и приятным, как у дочки.

Торопливо закончив дела и только-только натянув штаны, она услышала довольно громкое покашливание. Это был их условный знак: если кто-то занят, нужно кашлянуть в ответ, показывая, что место занято и придется немного подождать. Вот только мама Чжэньчжэнь жутко смущалась, и её покрасневшее лицо сопровождалось кашлем, больше похожим на писк комара. К счастью, сообразительная Чжэньчжэнь всю затянула басом.

Ло Вэнь едва не подпрыгнул от испуга, а его лицо запылало. Следуя договоренности, он кашлянул, но, не дождавшись ответа, уже собирался вломиться внутрь - терпеть больше не было сил. Однако внезапный окрик Чжэньчжэнь напугал его до полусмерти, чуть не превратив в извращенца и едва не заставив наделать в штаны. Впрочем, имея за плечами прошлый опыт, Ло Вэнь уже научился хоть как-то справляться с подобными конфузами. Украдкой бросив взгляд на остальных, он с облегчением выдохнул: к счастью, все были заняты тренировкой с автоматами и болтовней, никто на него не смотрел. Настоящее чудо среди всех этих несчастий.

Мама Чжэньчжэнь смутилась еще сильнее и, опустив голову, быстро проскользнула мимо Ло Вэня. Проходя мимо него, Чжэньчжэнь покрутила пальцем у своего носа и высунула язычок, точь-в-точь как маленькая ящерица.

Да как тут вообще жить! У Ло Вэня в душе всё завывало. Прошло уже столько времени, и намочившая штаны моча давно высохла, но на ткани осталось отчетливое пятно. Это выглядело так же нелепо, как если бы у него на лбу было выжжено слово дурак. И по закону подлости в этом проклятом супермаркете продавалось всё что угодно – еда, питье, товары для дома, – но только не одежда. Разве это не издевательство?

Время летело быстро, и вот уже наступил вечер с закатным солнцем. Во многом благодаря автоматам всё это время – за исключением тех моментов, когда мимо супермаркета проходили зомби и всем приходилось затаивать дыхание, прячась за полками, словно мертвецы, – прошло в жарких разговорах. Люди обсуждали оружие и то, как завтра они пойдут крошить зомби из автоматов. На лицах каждого цвела редкая улыбка, и время пролетело незаметно.

Сегодняшний закат был необычайно красив, но Ло Вэню, отвечавшему за наблюдение снаружи, было совсем не до пейзажей: он тупо пялился в пространство, держа в руках автомат с пристёгнутым магазином и патроном в патроннике. Тонкая серебристая ниточка слюны срывалась с уголка его рта – зрелище поистине впечатляющее.

– Хе-хе... – то и дело вырывалось у него глупое хихиканье. Оставалось только гадать, о чём он там таком мечтал.

– Большой братик, у тебя слюнки текут.

Перед носом Ло Вэня протянулась нежная детская ручка, в которой зажата была пахучая салфетка.

– А? Спасибо, – Ло Вэнь мгновенно залился краской и принялся судорожно вытирать слюну салфеткой.

А аромат-то какой! Из-за легкого ринита Ло Вэнь вечно носил с собой пачку салфеток, но это были самые дешевые промо-товары из супермаркета – десяток пачек за пару юаней. Естественно, ни о каком приятном запахе там и речи не было.

– Большой братик, смотри, как на улице красиво, – Чжэньчжэнь наклонила голову, разглядывая закат на западе.

– Вечерняя заря и одинокая птица летят вместе...

– В водах осени и далеком небе слились цвета.

Увидев красивый закат, Ло Вэнь проникся моментом и, причмокивая, затянул строчку из Танской поэзии, но Чжэньчжэнь опередила его со второй строкой.

Вот же девчонка, дает жару! Когда Ло Вэнь был в возрасте Чжэньчжэнь, он только и знал, как

носиться по улице сломя голову. Какая там поэзия – дай ему книгу Танских стихов, он бы и трети прочесть не смог. Сравнение людей явно не в его пользу. К счастью, нынешний Ло Вэнь всё-таки знал наизусть немало стихов. Впрочем, умничать он не стал – скорее всего, просто боялся проиграть Чжэньчжэнь, ведь он помнил лишь кое-что, а вовсе не знал поэзию целиком.

С наступлением сумерек пришла ночь. Во тьме дневное возбуждение от автоматов сменилось легким холодом на душе.

Ради безопасности в супермаркете поддерживали естественную темноту: сквозь стеклянные витрины пробивался лишь слабый свет звезд и луны, освещая лишь крошечный пятачок, тогда как всё остальное тонуло в непроглядной тьме.

Женщины и дети прятались в темноте – кто-то закрывал глаза, пытаясь побыстрее уснуть, а кто-то шептался с близкими едва слышным комариным писком.

Ло Вэнь медленно жевал куриную ножку. Хотя в этом вареном мясе был свой особый вкус, до свежей еды ему было далеко. С одной стороны, он немного ворчал про себя, а с другой – запивал курицу соком, ведя вполне сносную жизнь. Пробивающийся сквозь стекло лунный свет позволил Ло Вэню заметить молодого парня, сидевшего у витрины: у того глаза горели лихорадочным блеском. Парень явно грезил грандиозными картинами истребления зомби из автоматов и с нетерпением ждал наступления утра.

Через некоторое время глаза Ло Вэня защипало. Он вспомнил родителей, оставшихся далеко дома – интересно, так же ли им повезло остаться в живых, или они уже... Невыносимая боль накатила волной, и Ло Вэнь не смел продолжать эту мысль. Слезы закапали одна за другой, но вокруг царила крошечная тьма, так что бояться чужих взглядов не стоило.

– Мама, большой братик плачет, – звонкий голосок Чжэньчжэнь прозвучал в тишине ночи настолько отчетливо, что его слышали все.

У неё что, слух как у летучей мыши или ночное зрение? Сердечко Ло Вэня ёкнуло. Взрослый мужик ревет в темноте, и этот позор раскрывает мелкая девчонка – хуже некуда. Лихорадочно размазывая слёзы по лицу, он панически забормотал:

– Ветер слишком сильный, в глаза песок попал, неприятно так.

Какой ещё песок, скорее дурак с языком без костей.

Но никто не стал спорить или смеяться – лишь ничего не понимающая Чжэньчжэнь надула губки и заметила, откуда в супермаркете взяться песку.

Заняться было по-прежнему нечем, от безделья лезли всякие мысли, вот и расплакался с тоски. Нужно было занять себя чем-нибудь, чтобы отвлечься. Ло Вэнь подполз к пареньку,

велел тому отдохнуть, а сам встал на дежурство вместо него. Парень ничего не возразил, уступил ему место и ушел в темноту спать.

По другую сторону стеклянной витрины Куан Тянью дымил сигаретой Фужунван, взятой с витрины супермаркета. Были они настоящими или поддельными, он не знал, но курилось с наслаждением. Сигарету пришлось прикрыть, так что в тусклом лунном свете виднелся лишь едва различимый сизый дымок, а огонёк на кончике... извините, даже если бы кто вытащил собственный глаз и приставил к сигарете, ничего бы не разглядел. У ног стояла бутылка Улянъе – тоже из отдела алкоголя, подлинность которой оставалась под вопросом, а пачка жареного арахиса в масле даже не была распечатана.

- Всё еще тяжело на душе? - Куан Тянью слегка качнул бутылку Улянъе. - Дерябнешь? Это помогает разогнать тоску.

- Мечи воду – река не остановится, пьешь вино – тоска лишь растет.

Видимо, когда человек погружается в печаль, у него неизменно просыпается поэтический дар: не умеешь слагать стихи – будешь декламировать чужие.

Куан Тянью замер, затем горько усмехнулся и продолжил затягиваться Фужунваном.

<http://bllate.org/book/21114/2142623>